

АЛЕКСАНДР БАЛЫБЕРДИН

ПЕШЕШЕСТВИЯ НЕОФИТА

В ПОИСКАХ СМЫСЛА
ВЕЛИКОРЕЦКОГО КРЕСТНОГО ХОДА

Александр Балыбердин

**ПЕШЕШЕСТВИЯ
НЕОФИТА. В поисках смысла
Великорецкого крестного хода**

«Издательские решения»

Балыбердин А.

ПЕШЕШЕСТВИЯ НЕОФИТА. В поисках смысла Великоорецкого
крестного хода / А. Балыбердин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839615-1

Сколько лет Великоорецкому крестному ходу? Сколько километров надо пройти? Сколько дней пути? Сколько у меня сил, дойду ли я? Вопрос СКОЛЬКО, конечно, важен. Особенно для тех, кто идет в Крестный ход впервые. Однако опытные паломники понимают, что куда более важно — не СКОЛЬКО километров ты прошел, а КАК ты их прошел, и именно от этого зависит, стал ли твой ход крестным. Опытные паломники знают, что в Крестном ходе важно не СКОЛЬКО, а КАК.

ISBN 978-5-44-839615-1

© Балыбердин А.
© Издательские решения

Содержание

Вместо пролога	6
Пешешествия неопита в поисках смысла Великоорецкого крестного хода	7
Как это было?	7
«Пойти и дойти!»	8
«Преодолеть себя!»	10
«Потрудиться, помолиться»	12
Крестный ход как «протест»	15
«Обет» или «обед»?	17
«Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

ПЕШЕШЕСТВИЯ НЕОФИТА

В поисках смысла

Великорецкого крестного хода

Александр Балыбердин

Фотограф Александр Геннадьевич Балыбердин

© Александр Балыбердин, 2019

© Александр Геннадьевич Балыбердин, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4483-9615-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо пролога

- *Вы идете в крестный ход?*
- *Нет, а это обязательно?*
- *Но Вы же – православный. Все православные идут в крестный ход.*
- *А Вы тоже православный?*
- *Да.*
- *А почему тогда без бороды? Разве православные мужчины не должны носить бороду?*
- *Ну, Вы тоже сравнили – бороду и крестный ход!*
- *Я просто хотел узнать, зачем Вы в него идете?*
- *Ну, не знаю. Просто иду и всё!*
- *А хотите узнать?*
- *А Вы сами ходили в крестный ход?*
- *И да, и нет.*
- *Как же это так?*
- *Тогда послушайте.*

Пешешествия неофита в поисках смысла Великоорецкого крестного хода

Как это было?

Странное дело, я родился и вырос на Вятке, а о Великоорецком крестном ходе узнал только уже взрослым, женатым человеком. Было это в начале 1990-х годов. Тогда мы с супругой и маленькой дочкой жили в Кстинино, в старом «поповском» доме, с окнами на старинный храм, широкими половицами и полом в полтора наката.

Построенный в центре села, на высоком подклете, этот большой и просторный дом после революции 1917 года сразу привлек внимание советской власти. Отобрав дом у семьи сельского священника, она устроила в нем сельсовет, куда приходили друзья, а в подвале – тюрьму, где содержались и ждали решения своей участи враги этой власти. Хотя еще пять – десять лет назад все они были односельчанами, прихожанами одного храма, братьями и сестрами.

Взяв в руки государевы вожжи, эта власть правила круто и решительно, ломая и строя, не жалея ни своих, ни чужих. Но когда, со временем, вожди состарились, старый запал прогорел, пропал страх, а вслед за ним из магазинов исчезли товары, и в августе 1991 года ГКЧП попытался ее спасти, ни один житель села не вышел на улицу, чтобы защитить эту власть. Не только потому, что все эти годы она решительно и последовательно искореняла веру, отслеживая каждое движение людей в сторону храма. Это могло смутить лишь тех, кто любил Церковь. Нет, теперь, после нескольких десятилетий безбожия, все было куда прозаичнее – измученные безденежьем и уже никому неверящие селяне давно уткнулись в свои огороды, и потому все, что происходило за границей этих нескольких соток, их попросту не волновало.

Именно тогда мне на глаза попала небольшая заметка о Великоорецком крестном ходе, которую сопровождала черно-белая фотография – молодой священник в отяжелевшем от влаги подряснике с крестом в руке шел во главе немногочисленной колонны паломников по раскисшей лесной дороге. И от этого снимка повеяло другой жизнью – еще незнакомой, но глубокой и настоящей.

Там, в этой далекой жизни, которая одновременно текла где-то рядом, люди жили молитвой, мужественно преодолевали посланные им испытания и точно знали, зачем и куда они идут. Это была именно то, что, как я понял много лет позже, Церковь называет «новой жизнью в Христе». И мне тоже захотелось пойти с ними на реку со сказочным названием Великая, словно сошедшим со страниц древнерусских былин.

«Пойти и дойти!»

Между тем приближалось время паломничества, а вместе с ним и конец учебного года (я тогда работал в школе), посадка картошки, дела огородные, и в завершение всего школьный завхоз откуда-то привез и высыпал под наши окна две телеги неколотых дров. Поэтому, когда я снова вспомнил о Великорецком ходе – было уже поздно. Паломники снова ушли на Великую, а я со своими дровами и грядками остался на берегу. И это было первым открытием – оказывается, одного только желания мало, нужна еще решимость. Причем за тебя никто этот шаг не сделает, и именно с него начинается твой крестный ход.

Лично для меня до сих пор остается загадкой, как и почему люди решаются сделать этот первый шаг? Но, думаю, в целом, для нашего поколения 40-летних, оказавшихся в юности перед выбором – или цинизм постсоветской жизни или робкий шаг к православной вере, мой опыт был довольно типичным. Таким образом, мой первый Великорецкий крестный ход 1997 года явился для меня одновременно и испытанием, и первой встречей с живым Православием.

Отправившись в него и имея в запасе одну лишь молитву «Отче наш», к концу паломничества я знал наизусть не только тропарь святителю Николаю, но и, идя вслед за певчими, подпевал в полголоса пасхальные песнопения и угадывал отдельные строки из акафиста святому. Не на словах, а на деле – это была подлинная школа молитвы, о важности которой раньше я только читал, а теперь вот встал и пошел в первый класс.

Помнится, что этот крестный ход ознаменовался для меня еще одним важным открытием. Уже к концу первого дня пути, в Бобино, я почувствовал, что у меня, действительно, есть... душа, и что еще целых два дня мне придется буквально тащить ее на Великую реку. Да, именно так – мое тогда еще молодое тело тащило душу, которая все это время ныла и просилась обратно домой.

На каждом новом переходе душа повторяла примерно одно и то же: «И что тебе дома не сиделось? Куда и зачем ты идешь? В святцы захотел?» И что бы заглушить это нытье на третий день я начал... молиться. Просто шел и читал про себя «Отче наш», вслушивался в пение хора, читал акафист святителю Николаю. И ведь помогало – сомнения на время молитвы отступали прочь, идти становилось радостнее и легче. Я с уважением и немного с завистью глядел на бабушек, у которых все было наоборот – молитва вела их немощное тело, да так, что они обгоняли меня, молодого и здорового, но слабого духом. И это было вторым важным открытием.

Когда на стоянке перед Великорецким, издали, я увидел храмы, за спиной словно выросли крылья, и этот последний переход пробежал так скоро, что входил в село в первой группе паломников, и, гордый собственным достижением, сразу благословился у о. Геннадия (ныне иеромонаха Матфея) на обратный путь. Настроение в Великорецком было такое, что я кипел, сиял и лучился, как начищенный самовар, и чуть ли не налево – направо благословлял людей, леса, луга и птиц, дивно щебечущих на реке Великой в предрассветный час. От усталости не было и следа. И даже трудности обратного пути не испортили этого вдохновенного настроения.

Помню, как наполненный им до краев я вышел из автобуса на своей остановке и прямо «в чем покорил Эверест» – с загоревшим и обветренным лицом, большим красным рюкзаком, в походной одежде – я зашел в магазин «Рассвет» и... остановился в удивлении. Здесь было все как всегда – все те же, что и раньше уставшие за день продавцы что-то вешали, заворачивали, протягивали таким же уставшим покупателям, и даже женщина – кассир была все та же – уставшая, большая и все время чем-то недовольная.

За время крестного хода я уже настолько привык к той новой, другой жизни, что видеть все это было и странно, и печально. Оказывается, пока я, стиснув зубы, тащил себя на Великую реку, унывал и радовался, и снова унывал, и снова радовался, здесь ровным счетом ничего не изменилось. Словно я вновь вернулся в начало июня, в те дни, когда только еще решал для себя – идти или не идти? И это вдруг неожиданным образом еще раз утвердило меня в решимости отныне, каждый год, обязательно идти Великоорецким крестным ходом. «Пусть хотя бы несколько дней в году, – думал я, – но буду жить той самой новой жизнью».

«Преодолеть себя!»

И вот наступил новый год, а с ним и приблизилось время крестного хода. По наивности я думал, что, если с первого раза сумел пройти весь путь, то и дело сделано, я всего достиг и теперь надо только повторить прежний «успех». Но милосердный Господь не дал мне закоснеть в гордости. Вот только жаль, что я не сразу это понял. А произошло это так.

Как не пугали меня друзья, первый раз на Великую и обратно я прошел без единой мозоли, и потому затем целый год всем без устали нахваливал старые отцовские кроссовки и раздавал советы «бывалого» паломника. Заслуженные кроссовки с почетом стояли на полке и всем своим видом внушали уверенность, что уж, за что, а за ноги, во время нового паломничества я могу совершенно не беспокоиться. В итоге, отправившись в путь и натерев все, что было возможно, походкой подстреленного пингвина я дошел только до Великоорецкого и, доковыляв до отца Тихона, смущенно попросил благословения выйти из крестного хода.

В ответ, улыбнувшись в густую рыжую бороду, отец Тихон спросил: «Утро вечера мудренее. Может к утру и пройдет?». «Нет, нет! Не пройдет! – решительно замотал я головой, уже размышлявший о том, как вечером следующего дня, в кругу семьи буду пить чай с вишневым вареньем, рассказывая друзьям о «благодатных трудностях крестного пути». Спустя пару часов, я уже мчался в попутной машине в сторону Вятки, стараясь не думать о том, что «сошел с дистанции». «Ну, ничего, ничего, – успокаивал я себя. – В следующий раз обязательно схожу туда и обратно. А сейчас можно и отдохнуть».

И вот наступил следующий день. Не смотря на усталость, по крестоходской привычке, я проснулся ни свет, ни заря и сразу почувствовал, что... абсолютно здоров! Всего за одну ночь из подстреленного пингвина я превратился в борзого скакуна! Это казалось невероятным. Ни одной мозоли! Я буквально вывернулся наизнанку перед зеркалом. Ну, хотя бы в одном месте что-нибудь вспухло или покраснело? Нет, здоров! Абсолютно здоров!

И вдруг мне стало невероятно стыдно за то малодушие, что я проявил в Великоорецком. «Эх, надо было задержаться, переночевать. Сегодня бы шел со всеми в обратный путь! Кстати, а где они сейчас?» Я стал лихорадочно вспоминать, где теперь могут идти паломники, и затем целый день, стоило мне только посмотреть на часы, как невидимый диктор внутри меня докладывал: «13.00 – должно быть идут по Медянскому бору. 16.00 – наверное, вошли в Медяны. 20.00 – пришли в Мурыгино». Впечатление было таким, словно меня разорвало на две части, одна из которых уже пришла домой, а другая все еще идет крестным ходом.

Не вынеся этого разделения, утром следующего дня я отправился к новому мосту, чтобы встретить там паломников и пройти с ними хотя бы последние километры по городу. Когда приблизилась колонна крестоходцев, все они, включая старушек и маленьких детей, казались мне былинными богатырями. Уставшие, но по-прежнему собранные и сосредоточенные, они проходили мимо, а я все не решался войти в их колонну, считая, что, сбежав из крестного хода, не имею права быть причастным к их подвигу. Неожиданно со мной поравнялась пожилая паломница, которая несла несколько бутылей святой воды, и, чтобы хоть как-то искупить свое недавнее малодушие, я предложил ей помощь. К моей радости она согласилась. Я вошел в колонну и так, с бутылками, со всеми крестоходцами к вечеру пришел в Серафимовский собор.

Путь был завершен. И все же, с моей точки зрения, он не был «вполне успешен», ведь я «сошел с дистанции», пропустив его добрую половину. Я по-прежнему мерил крестный ход километрами и отчаянно хотел, конечно, не славы, но хотя бы одобрения. Я ругал себя за малодушие, но, не потому, что оно глубоко угнездилось в моем сердце, а потому что оно и было причиной того самого неуспеха. «Нет, – думал я. – Я не смог пройти этот крестный ход цели-

ком и потому он – нечитовый. В следующем году, хоть на карачках, но проползу весь путь. Вот увидите!»

«Потрудиться, помолиться»

Однако и в следующем году, из-за занятости на работе, мне не удалось пройти крестный ход целиком. Тогда, преисполнившись энтузиазма, я решил, что обязательно отправляюсь хотя бы в обратный путь и пройду его «за себя и за того парня». Сказано – сделано. Накануне, на семейном совете, было решено, что на проводы крестного хода до Бобино со мной отправится дочь – второклассница, и мы вместе будем молиться о маме, которая осталась дома, так как ожидает малыша.

К этому времени у меня уже появились знакомые священники – крестоходцы. Один из них посоветовал в пути держаться ближе к иконе, духовенству и певчим, чтобы «молитва у тебя постоянно звучала в голове, так и идти легче». Но в первый день осуществить это не удалось. Мы с дочкой просто не успевали за головой крестного хода, которая, восстав с привала, каждый раз бодрым шагом устремлялась вперед, задавая всем и темп, и тон.

Спустя два дня, я снова приехал в Великоорецкое все также полный желания «потрудиться». Теперь я шел один и уже не отставал от головной группы. Идти с молитвой было, действительно, легче. Тем более что, в отличие от меня, свеженького, крестоходцы уже изрядно устали и теперь уже не так рвались вперед.

Сам вид этих собранных и молчаливых людей с обгоревшими на солнце и обветренными лицами внушал уважение. У большинства за плечами – уже ни одно паломничество. Многие из них были сама сосредоточенность – ни одного лишнего слова, жеста или даже шага. На привалах они были все также скоры и собраны, как в пути. Пока священники молились, сопровождающие их паломницы в два счета, выверенными движениями постилали на траву клеенку, на которой, как на скатерти самобранке, вскоре появлялись бутерброды, печенье, огурцы, помидоры и даже горячий чай.

Только здесь, в краткие минуты отдыха, первопроходцы позволяли себе поговорить. Но никак не о пустяках, а непременно о чем-то духовном – о том, «как важно принять Великоорецкую традицию из рук бабушек, которых с каждым годом становится все меньше», «как умирительно идут крестным ходом дети», «какие молодцы родители NN, которые взяли с собой в паломничество грудного младенца» и т. д. Едва ли не постоянно звучало «спросите у батюшки», «как батюшка благословит», «что скажет батюшка».

Затем все также, в мгновение ока, скатерти убирались в рюкзаки, и, восстав и воспев, головная группа устремлялась в путь. Певчие – перед иконой, священники – за иконой, а за ними, ровными рядами – паломники и паломницы. Каждый – на своем месте, по крайней мере, в первых рядах. И чтобы занять это место, иногда приходилось потолкаться. Конечно, не между собой, а с другими паломниками, случайно оказавшимися в передовой шеренге. Где-то в начале пути довелось испытать это и мне, и потому, хотя знакомый священник объяснил соратникам, что «пихать меня его надо, потому что он – «свой», я все же старался не лезть в первые ряды, понимая, что там мне не место.

Наконец, на горизонте показалось Мурыгино, и мне сразу вспомнилось, как два года назад, во время моего первого паломничества, не зная, «где главу приклонить», я напросился на чей-то сеновал, где в это время уже лежало и сопело десятка два паломников. Втиснувшись между чьими-то сапогами и своим рюкзаком, я просто упал на доски и уснул, даже не сняв обуви.

Ночлег в крестном ходе – всегда проблема. Особенно для тех, кто идет впервые. И вот теперь снова надо было заботиться о том, где упасть. Словно прочитав эти мысли, ко мне подошел знакомый из числа бывалых ходоков и предложил пойти с ними, так как «паломник N уезжает в Киров, и потому в доме, где мы всегда ночуем, остается свободным одно место».

После молебна мы отправились на ночлег. Я уже приготовился снова лезть на сеновал, но, оказалось, что делать этого не надо. «Сеновал» оказался еще вполне крепким домом с небольшим огородом и баней, которая издали приветливо встречала нас запахом березовых веников. «Ты знаешь, – откровенничал знакомый, – мы уже давно перед началом крестного хода выезжаем „на маршрут“, чтобы решить проблему с ночлегом. Обычно едем с другом. Приезжаем в село. Выбираем дом. Конечно, хозяева хотят на крестном ходе подзаработать. И это нормально. Ну, пустили бы они человек десять – двадцать, по полтиннику с человека. А друг у меня – бизнесмен. Даст хозяевам – тысячу рублей, и весь дом в нашем распоряжении. Могут и стол накрыть, и баньку затопить? Ты любишь баньку?» Вообще, спал я в ту ночь в отдельной комнате, на широкой семейной кровати и приятно поскрипывал новеньким накрахмаленным бельем. А что? Имею право. Все оплачено. А по улицам Мурыгино еще долго ходили в поисках ночлега паломники, у которых не было друга – бизнесмена.

Утром мы продолжили путь. Крестный ход шел через Гирсовский бор, берегом реки Вятки. Утреннее солнце купалось в верхушках сосен. Пахло ладаном и сырой землей. Чудотворная икона покачивалась на плечах батюшек, и все дальше и дальше уходила вперед. Я намеренно отстал и теперь шел один, не с головной группой. Прошедшая ночь совершенно выбила меня из колеи. Не потому что я не выспался. Напротив, выспался я превосходно. Банька была горячей, ужин – плотным, а постель – мягкой. Но именно это и пугало. Точнее, лишало мое паломничество смысла. Ведь я шел «потрудиться, помолиться», а тут – бац! – попал в... санаторий. Мне бы принять эту ночь как дар Божий, как знак Его щедрой, неизреченной милости. Но я был горд, самолюбив и потому целиком и полностью сосредоточен на своем «суперплане», который теперь потерял всякий смысл.

Я специально несколько отстал от головной группы, потому что снова слышать высокие и правильные слова о «величии Великоорецкой традиции» мне было невыносимо. Я знал и видел, как произносившие их люди ночевали в соседнем коттедже, не меньше и не хуже, чем мой, и также «оплаченном» накануне крестного хода. Но их, видимо, это не смущало. Все такие же целеустремленные и собранные, плотными рядами они шли за иконой в свой «последний и решительный бой». На горизонте тем временем уже вставали дома и трубы областного центра.

Видимо, для того, чтобы я не забыл той ночи в Мурыгино, через пять лет Бог показал мне, как все могло быть иначе, если бы не Его дар и Его милость. Тогда в крестный ход впервые пошла моя супруга Ирина, и я обещал встретить ее в Бобино и разместить на ночлег у знакомых. Почти весь первый день паломничества лил дождь, и потому, сократив одну из стоянок, паломники пришли в село раньше и быстро разошлись по домам.

Когда я приехал в Бобино, то обнаружил Ирину в центре села в компании еще трех таких же начинающих паломниц, и потому она наотрез отказалась идти одна на ночлег к знакомым, в «проверенное» и «заранее оплаченное» место. «Ну, сам подумай, как я могу их бросить?» – сказала Ирина, показывая на своих новых подруг. Делать было нечего, и все этой сырой, замерзшей «бригадой» мы пошли по селу в поисках ночлега. Через полчаса нас было уже до десяти человек, так как, видя компанию во главе с человеком в подряснике (я к тому времени уже был рукоположен), все эти бедолаги с надеждой присоединялись к нам.

Так, обходя село от дома к дому, мы неизменно получали отказ. Все уже давным-давно было занято. Иногда сердобольные хозяева приглашали пройти в дом и самим убедиться, что мест нет, но мы и сами это видели, и уже были готовы притулиться хоть в сарае, лишь бы под крышей. Ночлег мы нашли где-то через час, когда в большинстве домов уже погас свет. Нас приютил Владимир Михайлович Кудрявцев, чей дом и так уже был полон, но на полу в коридоре и сенях еще нашлось место для десяти уставших и замерзших паломниц. Именно с той встречи в доме Кудрявцевых позже началась история строительства в селе Бобино деревянной Никольской церкви.

Но это будет через пять лет, а пока, уставший и опечаленный крахом своего «супер-плана», я шел и думал о том, что в следующий раз ни за что не дрогну и пройду весь путь так, как положено.

Крестный ход как «протест»

Между тем, приближался 2000 год – юбилейный для Великоорецкого крестного хода. На этой волне с ним стали происходить удивительные изменения. Буквально на наших глазах крестный ход значительно вырос числом и заметно помолодел. Каждый год в него вливались сотни новых паломников, которые с замиранием сердца слушали рассказы бывалых ходоков о том, как еще недавно власти гнали и преследовали их, не давая пройти на Великую реку.

Так случилось, что в ту пору я как раз набавывал материал для кандидатской диссертации по теме хрущевских гонений. Со страниц документов вставала, действительно, жуткая и подлая картина, в свете которой бывалые крестоходцы казались настоящими героями своего времени. Позже Владимир Крупин посвятил им слова, помещенные на памятном кресте, что установлен наверху Великоорецкого холма: «Поклон вам, воины Христовы, сохранившие для нас великую святыню – Великоорецкий крестный ход». Лучше не скажешь. Вместе с тем, нельзя было не заметить, что многолетнее хождение на реку Великую одних только мирян, без участия духовенства, которому категорически было запрещено появляться в месте паломничества, имело также и свои печальные результаты.

Во-первых, в сознании многих людей крестный ход как бы отделился от самой чудотворной иконы и приобрел самодовлеющее значение. Являясь, как и любое другое богослужение, вызовом окружающему миру, частью прихожан он стал восприниматься как вызов, протест и только. Без отношения к самой чудотворной иконе, ее истории и чудесам. Попросту говоря, если бы таким людям сказали, что в этом году сам чудотворный образ не пойдет на реку Великую, то они сказали бы, что это и не важно, и «мы все равно пойдем». Словно не чудотворный Великоорецкий образ освящает ходоков, а, наоборот, их шествие, потертости и мозоли придают ему величие и святость.

Так, со временем, среди участников крестного хода стали появляться казаки с «чудотворными» иконами; «старцы» в инвалидных колясках, пророчащие о близком конце света; фотографы, специализирующиеся на уставших бабушках, грязи и покосившихся домах; иностранные журналисты, пытающиеся на стоянках узнать у русских детей, что они думают о сексе; экстрасенсы; крепкие мужчины в камуфляже и другие персонажи.

Если обычные паломники берут с собой в крестный ход иконы и молитвословы, то эти – флаги, плакаты и листовки. Своих единомышленников они собирают через интернет, называя крестный ход «полевым выходом». Завидная мечта такой группы – пойти в голове колонны, развернуть транспарант типа «Православие или смерть» с таким расчетом, чтобы многотысячная колонна паломников оказалась как бы идущей за этим транспарантом, сделать несколько снимков и выложить их на своем сайте. Если попутно удастся раздать пару тысяч листовок, то «полевой выход» можно считать успешным.

Понятно, что к крестному ходу все это не имеет никакого отношения, о чем твердо и ясно сказано в его Уставе: «Участие политических, общественных, коммерческих и любых иных организаций в Великоорецком крестном ходе не разрешается. Их члены могут участвовать в паломничестве на общих основаниях, как простые паломники, без специальной формы одежды, плакатов, транспарантов, значков и другой символики этих организаций». Прописать эту норму заставила сама жизнь.

Но «деятели» не унимаются и вовсе не собираются упускать шанс заявить о себе миру. Когда два года назад протоиерей Андрей Дудин, как заместитель Предстоятеля крестного хода, потребовал, чтобы они перестали раздавать листовки и свернули плакаты, один из мужчин с вызовом ответил ему: «Нам попы – не указ. На Великую ходили и с попами и без попов. Это древняя народная традиция, и ты ее не приватизировал. Поэтому и указывать нам не можешь. Так что, дорогой, иди своей дорогой!». Пока человек в камуфляже «воспитывал» отца Андрея,

его товарищ старательно снимал «процесс воспитания» на фотоаппарат. Видимо, для того чтобы позже выложить «фотоотчет о проделанной работе» на сайте своей организации.

Причем, сказанное выше, касается не только мужчин. Пару лет назад, 3 июня я встречал поезд «Вятка», который, казалось, целиком оправился в крестный ход – с рюкзаками, ковриками и иконами. Вдруг вижу на вокзале трех женщин лет пятидесяти. Предложил их подвезти до Серафимовского храма. Они с благодарностью согласились. Уложили рюкзаки в багажник.

Только отъехали от вокзала, мои попутчицы завели разговор о новых паспортах и ИНН. Словно, проверяли – «настоящий» ли батюшка их везет? Попытался им возразить и в ответ сразу получил: «А вы почитайте вот это... А старцы говорят... Да мы сами видели эти три шестерки!» Понял, что спорить бесполезно. Еду, молчу. И они тоже замолчали. Так, молча, доехали до храма. Молча достали рюкзаки из багажника. Молча простились. Словно, кроме как о новых паспортах, и поговорить не о чем.

Складывается впечатление, что, привыкнув с советских времен бороться (за мир во всем мире, за всеобщее разоружение, за свободу американских индейцев и т.п.), часть наших прихожан никак не может от этого отвыкнуть. Наша жизнь, действительно, несовершенна. Но, если одни считают причиной тому свое собственное несовершенство, то другие, как пионеры, «всегда готовы» против чего-то сражаться – новых паспортов, ИНН, демократии, русофобии, ювенальной юстиции и дальше по списку. Не зря писал поэт «есть упоение в бою». Вот только к Великорецкой традиции это не имеет никакого отношения, и «подателю сего», скорее, надо не в крестный ход, а на баррикады.

Вместе с тем, как мне кажется, надо трезво понимать, что крестный ход всегда привлекал и будет привлекать таких людей, так как, по самой своей сути, он является «вызовом» потребительству и обществу, которое на нем основано. Поскольку же, в большинстве своем, являясь новоначальными христианами, мы нетвердо стоим на ногах, то, как правило, и уклоняемся от «царского» пути. Главное, чтобы вовремя нашелся человек, способный нам это объяснить.

Как произошло это со мной в том же паломничестве 2000 года. Помнится, что тогда я был увлечен старым русским гимном «Боже, царя храни!» и потому на обратном пути, где-то под Медянами, сподвиг еще несколько крестоходцев вместо акафиста Святителю Николаю петь этот гимн. Ну, где еще это было возможно? Не в областной же администрации, где я тогда трудился! Идем, поем, по ходу дела к нам присоединяются другие паломники. Хорошо! Уже невольно хочется перейти на строевой шаг. Вдруг с нами поравнялся священник. Идет рядом, слушает. Дослушал и говорит: «Хороший гимн. И вы, молодцы, что слова знаете. А вот петь его здесь не надо. Потому что это крестный ход, а не демонстрация. Давайте лучше тропарь Святителю Николаю вместе споем!». Начал, и мы за ним подхватили. Спасибо, что объяснил, а то до сих пор путали бы крестный ход с демонстрацией.

«Обет» или «обед»?

В противовес этому, набирало силу и другое отношение к крестному ходу, которое талантливо, глубоко и масштабно было сформулировано в документальном фильме Марины Дохматской «Обет». Как известно, у кино – свои принципы. И один из них заключается в том, что хорошее кино обязательно должно произвести впечатление, чем-то поразить зрителя. В данном случае «оружием массового поражения» было избрано само Великоорецкое паломничество – самое древнее из ныне существующих (ему уже более 600 лет), самое массовое (насчитывающее десятки тысяч паломников), самое продолжительное (более 150 км. пути), самое многострадальное (в 1959 году его «закрывали» на всесоюзном уровне) и одно из наиболее известных Православной России и, особенно, Москве, где Великоорецкий образ побывал дважды.

На экране мы видели все тоже «самое-самое» – уставшие от городской суеты москвичи целыми вагонами с рюкзаками и палатками высаживались на кировском вокзале; многотысячная колонна паломников переходила реку Вятку по мосту, над которым парил вертолет съемочной группы; их путь был бесконечным и трудным; пожилая паломница вспоминала, как плохие милиционеры в былые годы отлавливали хороших паломников по лугам и лесам; кировский губернатор – коммунист дарил Великоорецкой церкви колокола, внимающий ему настоятель загадочно и многозначительно молчал, американский профессор искренне и глубоко размышлял о русской соборности, а паломники со всей России, ближнего и дальнего Зарубежья наперебой рассказывали о чудесах, о том, что не могут жить без крестного хода и уже начали считать дни до нового паломничества. К концу этого большого, талантливого и искреннего фильма у зрителя рождалось, крепло и, наконец, вырывалось из груди одно только желание: «И я хочу! И я должен попробовать!» В результате с каждым новым годом Великоорецкий крестный ход прирастал несколькими тысячами первопроходцев.

Мне хорошо запомнилась одна встреча, которая, как мне кажется, передает настроение тех благословенных лет. Она произошла во время паломничества 2000 года, которое Господь благословил мне пройти от начала и до конца. Утром второго дня пути, уже за Бобинским волоком, на подходе к Загарью, я обнаружил в колонне паломников группу 12—13 летних школьников. После бессонной ночи и долгого перехода они сильно устали и шли уже из последних сил. Я поинтересовался, как они оказались в крестном ходе? Ответом было: «Учитель предложила, родители согласились, вот мы и пошли». Пошли почти целым классом, в футболках и кедах, без палаток. «А как же вы ночевали?» – поинтересовался я. «Очень хорошо! Нас одна бабушка в Бобино пустила на сеновал». «А родители с Вами идут?» «Нет, мы сами, и вот еще Мария Ивановна» – и ребята показали на девушку лет 20-ти, с огромным рюкзаком и уставшими глазами. – «Это наш классный руководитель! Она нам и рассказала про крестный ход». Бедная Мария Ивановна, а точнее просто Маша, стояла, чуть покачиваясь от усталости, и только улыбалась в ответ, не в силах объяснить, как все это произошло, и что с ними всеми будет через какой-то час – другой пути. «А не боитесь? Путь-то дальний», – не унимался я. «Нет, не боимся, – отвечали ребята. – Мы уже не раз ходили в поход. И в этот раз дойдем!».

Не знаю, понимали ли эти школьники, чем паломничество отличается от обычного похода, и понимала ли их учительница, какую ответственность взяла на себя, пригласив к участию в нем своих учеников? В конце концов, и молодежены, как правило, мало что знают о семейной жизни, но это – не повод не вступать в брак. Да, и не это главное. Не войдя в воду, плавать не научишься. Главное – захотеть. Без этого не будет ни семьи, ни крестного хода. Так на рубеже веков тысячи людей захотели пройти Великоорецким крестным ходом, и не нам судить, какими путями Господь привел их на Великую реку. Однако мало создать семью, надо

еще суметь ее сохранить. Мало креститься, надо еще научиться жить церковной жизнью. Мало пойти в крестный ход, надо научиться в него ходить.

Между тем, уже вскоре стало очевидным, что идея паломничества, как исполнения обета, некогда данного вятчанами Богу в благодарность за перенесение Великорецкого образа в Хлынов, не может исчерпать всех его смыслов. Обет был дан вятчанами, но шли в него не только вятчане. В 2000 году благословением Святейшего Патриарха Алексия II Великорецкий крестный ход стал всероссийским, после чего число иногородних паломников стало прибывать в геометрической прогрессии. Словно, каждый из них, вернувшись с Великой реки, на следующий год брал за руку еще двоих и вел с собой.

Областные власти всячески поощряли эту тенденцию, поэтично называя Великорецкий крестный ход «визитной карточкой Кировской области». Затем в кулуарах стало звучать другое слово – «бренд», который, дескать, создает «позитивный образ нашего региона среди других субъектов Российской Федерации».

При этом областным властям приходилось с каждым годом все выше и выше поднимать планку этого «бренда», изыскивая в бюджете все больше средств для того, чтобы принять и разместить растущую армию паломников, обеспечить их безопасность, медицинское обслуживание и т. д. и т. п. Как известно, к хорошему привыкается быстро, и потому уже в 2000 году, получив в Великорецком бесплатную кашу и хлеб, некоторые паломники роптали: «А в прошлом году бы еще и компот!». Как в известном фильме про тунеядца Федю. Слышать это было горько и очень хотелось ответить: «Нет, уж простите, но вам надо выбрать – или обет или обед?»

Однако и с «концепцией обета» все было не так просто. Во-первых, потому, что современному, рационально мыслящему человеку трудно поверить в то, что в далеком XIV века священники не смогли сдвинуть чудотворный образ с места, пока не пообещали ежегодно приносить его на место паломничества. А раз, как они считали, не было чуда, то не было и обета, а без него крестный ход теряет смысл «соборного делания» и превращается в дело «моего личного благочестия» и его общий, единый смысл распадается на тысячи индивидуальных смыслов, которых у каждого паломника – целый рюкзак за плечами.

Во-вторых, во всей этой «концепции обета» было нечто такое, с чем сердце никак не могло согласиться. Особенно, когда в качестве назидательного примера начитанные крестоходцы вспоминали, как однажды вятчане отказались исполнить обет и не пошли на реку Великую, за что Бог наказал их морозами, погубившими в июне все посевы, и только после должного исполнения обета, Бог даровал им хороший урожай. Очевидно, что в те времена, когда большинство вятчан работали на земле и жили своим хозяйством, это пример казался им весьма конкретным и убедительным. Но сегодня абсолютное большинство паломников уже не являлись крестьянами. Должны ли они в таком случае были думать, что, если не пойдут в крестный ход, то Бог разрушит их бизнес, уволит с работы, пошлет плохого начальника, болезни или какие-то другие несчастья?

Как бы на первый взгляд это не показалось странным, но, высказывая подобные мысли, православные люди, в действительности, повторяли присущую католическому богословию мысль о жертве (в качестве которой в данном случае выступает крестный ход), как некоторым «выкупе» который способен удовлетворить гнев или правосудие Божие. Подобного рода богословие и жертву, понимаемую, как «юридическую сделку», протопресвитер Александр Шмеман сравнивал с «налогом с доходов» и призывал в корне переосмыслить природу жертвоприношения, которая сегодня забыта даже богословами. Что уж тут говорить о простых паломниках?

Тогда, в 2000 году, я не мог ответить на эти вопросы. Мысли роились в моей голове. По мере приближения к Великорецкому, с каждым новым километром, главный смысл крестного хода все больше ускользал от меня и дробился на тысячи маленьких смыслов. В конце

концов, я вернулся к тому, с чего начал: «Надо просто дойти и вернуться!», и когда спустя пять дней это, с помощью Божией, это было исполнено, и я вновь без единой мозоли прошел вес крестный ход и возвратился домой, то вдруг понял, что на следующий год в крестный ход уже не пойду. Так как не вижу в этом смысла.

Конечно, сегодня я понимаю, что это было большой и досадной ошибкой. Причина же ее заключалась в том, о чем когда-то с сожалением писал отец Александр Шмеман: «В наше время в центре религиозной жизни стоит не истина, а религиозное чувство, оно, а не истина, признается главной ценностью, по которой мерится все. И в церковной жизни, и в богослужении все расценивается в зависимости от того, что „я“ хочу получить от них, что „мне“ представляется существенным, что „я“ люблю в них».

Десять лет назад я тоже не смог избежать этой ошибки. Возможно, где-то на глубине души я понимал, что вовсе не крестный ход утратил Богом данные ему смыслы, а просто рухнули, обесценились, исчерпали себя мои фантазии и желания, которые, по своей гордости, я считал смыслами крестного хода. Но прорваться сквозь них к подлинному смыслу Великорецкого паломничества мне еще не хватало ни знаний, ни сил, ни духовного опыта. Для этого необходимо было не только время, но нечто большее.

«Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!»

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Прошло еще долгих десять лет, прежде чем, я дерзнул вернуться к этой теме. Все эти годы в крестный ход я не ходил и со стороны наблюдал, что с ним происходит.

Внешне все выглядело вполне благополучно. С каждым новым годом число крестоходцев увеличивалось, и в итоге достигло 40 тысяч человек. Начиная с 2005 года, на реке Великой их встречал уже не приход, а мужской монастырь во главе с игуменом Тихоном, некогда водившим крестоходцев. Братия монастыря при участии областных властей трудилась над восстановлением Великорецких храмов и, в первую очередь, Никольского собора – главной святыни обители. Сменились три губернатора, и каждый из них в меру сил помогал в этом важном деле.

В ноябре 2008 года Великорецкая икона в третий раз посетила Москву, где ей поклонились несколько тысяч москвичей и гостей столицы. Специально к этому визиту епархия издала большую книгу, которая обобщила все, что на сегодняшний день известно о вятской святыне и крестном ходе. Отныне не только летом, но в течение всего года в Великорецком можно было встретить паломников, а их география ширилась с каждым годом.

Все это радовало, но моего отношения к крестному ходу не меняло. Напротив, с каждым годом нарастало ощущение, что отмеченные выше проблемы все больше усугубляются. И даже принятие в 2008 году Устава Великорецкого крестного хода, важного и нужного документа, не могло их решить. Потому что для решения требовалось не столько грамотное администрирование или научное изучение древней вятской традиции, сколько богословское осмысление крестного хода, а этого как раз и не было. Казалось, единственное, что могло волновать и журналистов, и власти, и самих паломников – это то, насколько в новом году возросло число участников крестного хода, и что собираются придумать нового областной оргкомитет и епархия для того, чтобы облегчить их путь?

Главные вопросы все также оставались без ответов. Казалось бы, было уместно ожидать их от духовенства, идущего крестным ходом. И, конечно, священники не бездействовали – шли со своими приходами, молились, служили, исповедовали, фотографировали, снимали фильмы о Великорецком крестном ходе. Это было, действительно, важно. Но это не было главным. И в отсутствие главных ответов крестный ход неизбежно сбивался с пути.

Уже невооруженным взглядом было заметно, что значительная часть крестоходцев никак не связывает свой путь с Великорецкой святыней. Так, например, многие из них брали с собой в крестный ход уже не Великорецкий образ, а какие-то другие иконы. Как-то раз, поздно вечером, после вечернего богослужения и исповеди на реке Великой, я шел ее берегом и буквально наткнулся в тумане на чудотворный образ. В полном одиночестве он лежал на аналое посредине поляны, которая утром должна была стать центром торжеств. И ни души рядом с ним!

На следующий день крестный ход на источник собрал тысячи людей. ОМОН еле сдерживал это ликующее людское море. Но, приглядевшись, можно было заметить, что причиной их ликования был не чудотворный образ, который несли священники, а падающие на их лица капли святой воды, яркое солнце, общая восторженная атмосфера вокруг и т. д. и т. п. Икону снова возложили на аналой, праздник закончился, и люди вскоре разошлись, оставив святыню на опустевшей поляне.

Не только в Великорецком, но даже в Серафимовском соборе, где сегодня пребывает список с чудотворного образа, в течение года к нему вовсе не выстраивается большая очередь. Об этом мне говорил протоиерей Андрей Дудин, не только опытный паломник, но также клирик Серафимовского храма. Он с горечью замечал: «Наши отцы, в том числе те, что каждый год идут крестным ходом, везут прихожан за тысячи километров – в Дивеево, Оптину, Лавру, сами едут в Бари и на Афон, но почему-то не к Великорецкой иконе. Почему бы не привезти их

в Серафимовский храм, не послужить перед святыней? А мы еще удивляемся, почему Господь отнял и вновь не явит нам чудотворный образ, обретенный на реке Великой! Потому и отнял, что мы к нему равнодушны, и пока не преодолеем этого равнодушия, не явит его вновь».

Может быть сказано слишком резко? Но Вы проверьте себя и попробуйте для начала вспомнить, сколько житийных клейм имеет Великоорецкая икона? Хотя бы это, не говоря уже о том, каким страницам жития Святителя Николая они посвящены? Вспомнили? Это было непросто? А ведь Вы, наверняка, многократно прикладывались к этому образу, в том числе в крестном ходе. Кто-то скажет: «Я не искусствовед. Зачем мне это знать?» Но, давайте задумаемся над тем фактом, что именно эти равновеликие клейма являются отличительной чертой Великоорецкого образа. Причем, во всех списках этой прославленной иконы программа их примерно одинакова.

Можно также вспомнить и о том, что согласно «Повести о стране Вятской» в 1383 году на реке Великой был чудесно обретен не только средник иконы, но весь образ «в чудесех», то есть уже с житийными клеймами. И, если все это совершилось по воле Божьей, то, следовательно, и житийная программа Великоорецкого образа также была дана вятчанам неслучайно.

Какой в этом смысл и имеет ли это какое-то отношение к крестному ходу? Ответы на эти вопросы еще впереди. А пока, положа руку на сердце, следует согласиться с тем, что в современном паломничестве Великоорецкий образ для большинства из нас занимает куда более скромное место, чем все «ахи» и «вздохи» по поводу того, «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

Складывается впечатление, что для значительной части участников Великоорецких торжеств именно это и является, если не единственным, то главным смыслом паломничества. «Хорошо нам зде быти!» (Лк. 9, 33). И, действительно, в Великоорецком очень хорошо. Величие праздника, возвышенный строй богослужения, красота природы, вдохновленные лица людей, всеобщее ликование, действительно, не могут не тронуть сердца. Известно, что для многих путь в Церковь и крестный ход начинались именно с приезда «на праздник в Великоорецкое». И в этом нет ничего плохого. Главное, чтобы за всем этим не терялся сам смысл праздника. И об этом надо постоянно напоминать. А случаи бывают – и смех и грех.

Вот, например, накануне крестного хода в епархиальном управлении раздается телефонный звонок из Москвы. Это радует. Звонят из туристического агентства. Интересуются крестным ходом. И это неплохо. Оказывается, уже в течение нескольких лет это агентство «продает путевки в Великоорецкий крестный ход» – бронирует для москвичей билеты на Кировский поезд, помогает собраться в дорогу, страхует от укусов клещей и т. д.

Ну, что же, это, действительно, необходимо, и мы рады этой помощи. «У вас такой замечательный праздник. И крестный ход всем тоже очень нравится. Раннее лето, нетронутая природа, а как птицы утром поют! Так романтично! Я сама в прошлом году ходила, – рассказывает агент, – так все мои знакомые в этом году тоже засобирались. Вот, только некоторые спрашивают – можно ли с собой... байдарки взять?» «Не понял? – интересуюсь я. – Какие байдарки?» «Дело в том, что наши клиенты хотят 6 июня побывать на празднике, а потом по реке на байдарках спуститься». «Может, им в какие-то другие дни на байдарках поплавать?» – осторожно спрашиваю я. «Я все понимаю, – не уступает агент. – Но путевка-то у них одна, а им хочется и крестным ходом пройти, и на празднике побывать, и на байдарках поплавать, и рыбы половить». Может, все-таки не надо туристическим агентствам продавать «путевки в Великоорецкий крестный ход»?

Или другой случай, о котором мне рассказала знакомая паломница. Несколько лет назад крестным ходом шла группа молодых здоровых и крепких мужчин с... футбольным мячом. Идущие рядом удивлялись: «А мяч-то вам зачем?» И вот во время одного из привалов, приметив широкую и ровную поляну, мужчины не выдержали, достали из рюкзака мяч и, крикнув уходящим паломникам: «Вы идите, мы вас догоним!», устроили футбольный матч. Более

опытные крестоходцы пытались их остановить, но тщетно. Закончилось все тем, что, закончив через какое-то время игру, футболисты бросились догонять колонну паломников и... заблудились. В итоге им все-таки удалось воссоединиться с крестным ходом, но в футбол в пути они уже больше не играли. Конечно, то, что эти мужчины пошли в паломничество – не плохо, а, наоборот, очень хорошо. Возможно, для кого-то из них эта история послужила добрым уроком. Просто не надо брать с собой в крестный ход футбольный мяч.

О том, что неуёмное стремление объединить в крестном ходе «все и вся» должно иметь разумные пределы, говорит история, которой я лично стал свидетелем в паломничестве 1998 года. Тогда, в конце второго дня пути, когда за плечами уже было около 40 километров, Великоорецкий крестный ход неожиданно... заблудился. В тот год мы впервые шли с новым провожатым, и он в поле свернул не на ту тропинку, а за ним – еще несколько тысяч человек.

Шли, шли и зашли... в болото. Священники остановили колонну и предложили отдохнуть несколько минут, пока провожатый не найдет нужный путь. Присели и мы. Вдруг слышим, как рядом зазвучала английская речь. Это разговаривают между собой два американских журналиста, приехавших «за русской экзотикой» и уже весьма измотанных прошедшим днем. Прислушались, и не смогли сдержать улыбки. Помнится, как один из них спрашивал с явным недоумением и даже раздражением: «Не пойму, если они здесь уже шестьсот лет ходят, то почему не знают дороги? Почему у них нет указателей и, вообще, никакого сервиса – кафе, телефонов, гостиниц и т.п.». Второй сначала молчал, а потом глубокомысленно изрек: «Я вообще-то думаю, что это они (он кивнул на сидящих рядом священников) специально нас в болото завели, чтобы усилить страдания. Однако, время уже позднее, солнце скоро сядет, пора бы им поторапливаться и нас из леса выводить». Дорогу мы, конечно, нашли и, хотя с небольшим опозданием, но пришли на ночлег в Монастырское и еще долго затем подтрунивали над нашими заморскими гостями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.